

Валерий
и Константин
Пикулевы

И Дух во древе отзовётся...

О самобытном художнике
деревянной миниатюры —
Александре Пикулеве

Валерий Пикулев

**И Дух во древе отзовётся...
О самобытном художнике
деревянной миниатюры
– Александре Пикулеве**

«Издательские решения»

Пикулев В.

И Дух во древе отзовётся... О самобытном художнике
деревянной миниатюры – Александре Пикулеве / В. Пикулев —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-591863-5

В книге представлена коллекция работ самобытного художника в области
деревянной миниатюры — Александра Пикулева. Приведена краткая
биография мастера и отражены главные моменты истории появления
уникальной коллекции, объехавшей несколько стран Европы. Основу
коллекции составляет сельская тема, крестьянский быт России: работы,
иллюстрирующие почти все стороны трудной крестьянской жизни и наиболее
точно передающие Дух самого мастера. В создании книги приняли участие сын
и внук художника.

ISBN 978-5-00-591863-5

© Пикулев В.
© Издательские решения

Содержание

ВЕХИ ПАМЯТИ	6
Конец ознакомительного фрагмента.	9

И Дух во древе отзовётся...
О самобытном художнике деревянной
миниатюры – Александре Пикулеве

Валерий Пикулев
Константин Пикулев

© Валерий Пикулев, 2022

© Константин Пикулев, 2022

ISBN 978-5-0059-1863-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ВЕХИ ПАМЯТИ

*Светлой памяти
Александра Александровича
Пикулева, отца и деда*

Читал я где-то, уж и не помню когда (рассказывает ВП), что вспоминаем мы жизнь свою фрагментарно; и первые из этих ошмётков памяти относятся лишь к четырёх- или пятилетнему возрасту. А ранее – пустота! Посему утверждаю, что с отцом своим, Александром Александровичем Пикулевым, я познакомился в четырёхлетнем возрасте и при следующих обстоятельствах...

Приморский край, зимний вечер. Метель... Вдруг открывается дверь, и в комнату, – а жили мы тогда в одноэтажном бараке, – в клубах мелкого снега и морозного воздуха вваливается некая фигура во флотском белом полушубке (это потом я узнал, что полушубок был флотский), и в шапке-ушанке со спущенными ушами. Но, главное было не в этом. Главное же волочилось за фигурой, еле протиснувшись в дверной проём. Главным была ёлка!

Только что срубленная поблизости в тайге, обступавшей наш маленький посёлок со всех сторон, она была огромной, – за последнее, правда, не ручаюсь: для меня тогда все предметы были огромны, – пушистой и так приятно и непонятно чем пахнувшей! А как же, Новый Год на носу! – 1951-й!

Потом, как помнится, я с мамой эту ёлку наряжал, опутывая ниткой с нанизанными на неё бумажными кружочками, квадратиками, треугольничками и обсыпая кусочками ваты... – других игрушек не было. Работу, в основном, делала мама, а я то ли помогал, то ли мешал... – вряд ли теперь смогу утверждать с достоверностью.

Наш посёлок Промысловка, основанный в 1891 году в 60-и километрах по морю, восточнее Владивостока, и названный так в честь золотых промыслов, проводившихся здесь с конца XIX века, был расположен, как помнится, на берегу бухты Разбойник залива Стрелок.

Представьте себе живописнейшую долину меж сопок Большой Иосиф (за которую так сказочно заходило солнце), и Халаза, – это западные отроги Ливадийского хребта Сихотэ-Алиньских гор, круто сбегавших в Залив Петра Великого, – и вы поймёте, как мне повезло! Да, мне повезло: детство своё провёл я на берегу Японского моря!

На окраине посёлка протекала речка Кагатунь, известная сейчас как Промысловка. Промёрзая зимой до дна, летом она была мелковата и тем привлекательна: в ней водилась кета, а под камнями копошились крабы, – ох, сколь много я наловил их тогда, в детстве! А в сумерках над речкою кружились, мерцающая зеленоватыми вспышками, светлячки... – я сшибал этих жучков прутиком десятками! А ещё ловил махаонов – огромных красивых таких бабочек, с размахом крыльев до 30-и сантиметров!

А за нашим домом, в лесной заводи, цвели розоватым цветом лотосы... Дикий виноград, – кислый, но без косточек! – опутывал деревья, а, кое-где и киш-миш (их лишь на европейских рынках путают, одно другим называя!), лимонник, барбарис... – только руку протяни! Да, мне повезло...

Залив Стрелок, бухты Наездник, Абрек, Разбойник, Назимова, Конюшкова, Сысоева... острова Русский, Путятин, Аскольд... – одни только названия эти говорят нам о том, что даны они моряками Российского флота, в честь русских кораблей и их капитанов. Да! Эти корабли проводили исследования северных берегов Японского моря, – военная эскадра Балтийского флота со славным клипером «Стрелок» во главе. И было это в 1859 году.

Освоение же Приморского края началось русскими с 1860 года, после заключения Пекинского договора, окончательно закрепившего за Россией южную часть Приморья. И понеслось! Беглые каторжане, казаки, а то и любители приключений, – слухи о золотых россыпях переходили из уст в уста, не умолкая, – вытеснив аборигенов (гольдов, нанайцев, орочей, тазов и китайцев с корейцами), быстро наносили на карты здешних мест русские названия: Ольгино, Путятин, Крым, Дунай, Руднево, Промысловка, Домашлино...

Появлялись и чуждые русскому слуху имена: Линда, Лифляндское, Новая Ливония, Латвия, Южная Лифляндия... – это закреплялись на новых землях переселенцы-прибалты. Была и Американка... основанная безземельными крестьянами Черниговской губернии.

В тридцатые годы прошлого столетия на Дальнем Востоке началось оборонное строительство: пирсы в бухте Разбойник и базы торпедных катеров на берегах залива Стрелок, береговые артбатареи в посёлке Дунай и на острове Аскольд...

В нашей Промысловке был размещён стрелковый полк, переброшенный сюда с Кавказа, на базе которого в 1943 году сформировали батальон морской пехоты Тихоокеанского флота, Сучанского сектора береговой обороны.

Силами этого полка и были возведены первые два дома (двухэтажный деревянный и одноэтажный барак, покрытый извёсткой), в последнем из которых мне довелось провести своё счастливое детство. Поодаль – казарма и стадион, а на горке, что за речкой Кагатунь – здание командования и военный госпиталь, в котором с осени 1945 года служил военным врачом отец, переведённый сюда из Заполярья.

Мой отец, Александр Александрович Пикулев, – полковник медицинской службы, – прошёл всю войну от и до! Частенько, помнится, вытаскивал я большущую картонную коробку с его наградами: ордена «Красной Звезды», коих несколько, и огромное количество медалей, среди которых, как он говорил, самыми важными были с предлогом «за». – «За отвагу, за победу над Германией, над Японией, оборону советского Заполярья... – и все «за!».

Александр Александрович родился 10 мая (по новому стилю) 1915 года в деревне Пож Пермского края, в семье кузнеца Александра Петровича Пикулева, Георгиевского кавалера. По рассказам отца, мой дед был человеком крутого нрава и до самогону большой охотник. В 14 лет, крупно поскандалив с родителем, отец подался на заработки в Нижний Тагил, имея в кармане всего 15 копеек, выданных на дорогу сердобольной мачехой...

Работал подсобником на заводе и, получив кое-какие сведения из области грамматики и арифметики, он в 1932 году пошёл на рабфак (рабочий факультет), закончил его с отличием и тут же направился в Ленинград поступать в институт (после рабфаков тогда в институты принимали без вступительных экзаменов; а тут ещё и с отличием!) А почему, собственно, в Ленинград? – Да потому, что его старший брат, Георгий, уже учился там в Военно-морской медицинской академии.

Итак, Ленинград... – а в мире неспокойно: полыхает война в Испании, – и, конечно же, прямо с вокзала в Военно-морскую медицинскую академию, подавать документы. И, конечно же, на факультет военной хирургии! Куда ж ещё?!

А вечером, уже в общежитии, где жил Георгий, за «рюмкой чая» состоялся примерно такой разговор:

– Так, значит, на хирургию, говоришь? Ну и дур-п-рак!

– Санька, ты хоть понимаешь, куда лезешь?! – Ответственность! Риск! Зарежешь кого-нибудь, – и под суд! Завтра же забирай документы, к чёртовой матери, и переводись на дарма-

тологию! Кожные больные, они ж не помирают – никакой ответственности! Да и не вылечиваются никогда, – значит, всегда при хлебе!

И стал мой отец дерматологом... Военным!

А брат Георгий погиб в конце августа 1941 года, во время знаменитого перехода кораблей Балтфлота из Таллина в Кронштадт: эсминец «Яков Свердлов» – бывший знаменитый «Новик», – на котором он служил, подставил свой борт, заслоняя крейсер «Киров» от немецкой торпеды.

В июне сорок первого Александр Пикулев закончил ускоренный курс Военно-морской медицинской академии и был расписан на Северный Флот (это вместо пятого курса и защиты диплома!). И вот как-то, в самом конце июня, вели их строем в баню, что на улице Пушкинской, – вели в последнюю баню перед отправкой на фронт. С вениками вместо карабинов.

Выйдя на площадь Льва Толстого, они по команде ротного – раз, два, левой! – все, как один, грохнули коваными флотскими сапогами «левой» по смолянистой деревянной брусчатке мостовой! И все, как один, вдруг испытали такой душевный подъём, такую силу, когда их флотский шаг эхом отозвался в вечернем воздухе пустынной площади... что, какие там немцы, какие фашисты! – Вениками закидаем!

– Немногим из той роты довелось увидеть врага в лицо! Ещё на подходе к станции назначения эшелон, с которым их направили на фронт, подвергся жесточайшей бомбардировке. И только семеро из них...

Среди этих семерых были мой отец и его приятель, – вот, он-то подал документы на военно-хирургический! Правда, не провёл ни одной самостоятельной операции. Но, об этом чуть позже, а пока... – пока же начались военные будни в грозном Заполярье.

Да! – Там был кошмар! Суровый северный климат, голые скалы, постоянные бомбёжки, обстрелы побережья с немецких рейдеров... – и мины в ледяной воде, которые надо было успеть найти и обезвредить до подхода караванов союзников – «PQ» (обратно эти караваны шли под кодовым названием «QP», гружёные нашим золотом, лесом и музейными ценностями). Довелось моему отцу, – и не раз! – барахтаться в стлой воде после таких вот, бомбёжек и обстрелов.

Впоследствии, – как-то, в 1989-м году, – мы с отцом были по турпутёвкам в Севастополе. И там он, обозревая окрестности города Русской Морской Славы, потрясённый силищей береговых укреплений, воскликнул: «Это ж надо! В Заполярье у нас в десять раз слабее было, – и не сдали! А тут... – Эх-х!»

Надо сказать, что Северный флот стал, пожалуй, единственным из наших флотов, увеличившим к концу войны свои силы. В этом немалая заслуга и союзников: половина тральщиков была английской постройки (другую половину составляли наши, из деревянных рабацких баркасов); в небе же – истребители (американские «аэрокобры» и английские «спитфайры»), гидросамолёты «каталина» и торпедоносцы «бостон»... – До сих пор храню часы американского моряка, с которым отец обменялся когда-то своими. Правда, они уже не ходят...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.